

в) государства, в отношениях с которыми отсутствует общая договорно-правовая основа.

При этом во многих документах ЕС также отмечается особое значение сотрудничества с соседними государствами [см., например, Communication from the Commission — A strategy on the external dimension of the area of freedom, security and justice: Doc. COM/2005/0491 final]. Значимость отношений с соседними государствами в целом также вытекает из содержания части 1 статьи 8 ДЕС, согласно которой ЕС развивает с соседними государствами особые отношения с целью установления пространства процветания и добрососедства, основанного на ценностях ЕС и характеризующегося тесными и мирными отношениями, основанными на сотрудничестве.

Еще одной особенностью сотрудничества ЕС с третьими государствами является многообразие и гибкость используемых инструментов, к которым относятся не только различные типы международных договоров с ЕС, стратегические и оперативные соглашения с агентствами, но также планы действий, общие стратегии, внешние программы помощи (*CARDS, MEDA, TAIEX*), двусторонние договоренности, сотрудничество в рамках других международных организаций (ООН, СЕ, УНИДРУА).

Важной особенностью современного этапа сотрудничества ЕС с постсоветскими государствами является разработка новой правовой основы для такого сотрудничества. Заключенные в 90-х гг. XX в. соглашения о партнерстве и сотрудничестве (далее — СПС) устарели, не отражают произошедшие изменения и не позволяют реализовать внешнюю компетенцию ЕС в полном объеме. И если сегодня затруднительно судить о состоянии разработки базового договора о сотрудничестве ЕС и России, то Соглашение об ассоциации между ЕС и Украиной (далее — СА), возможно, будет подписано в конце ноября 2013 г. и заменит собой устаревшее СПС.

В Соглашении об ассоциации с Украиной вопросам ПСБП посвящен Раздел III «Правосудие, свобода и безопасность», который в некоторой степени отличается от положений ранее заключенных соглашений об ассоциации и стабилизации с балканскими государствами (Сербия, Черногория). Например, в СА в статье 14 уважение прав человека и основных свобод указано в качестве руководящего принципа сотрудничества в сфере ПСБП. Статьи 17—19 СА специально посвящены вопросам свободы передвижения лиц и закрепляют принцип недискриминации украинских работников, а также сотрудничество с целью упрощения и отмены визового режима. Также новеллой СА можно назвать закрепление правовой основы для судебного сотрудничества по гражданским и уголовным делам в статье 24.

Таким образом, сотрудничество ЕС с третьими государствами в сфере ПСБП характеризуется значительной гибкостью, многообразием форм и инструментов, и зависит, среди прочего, от уровня развития отношений ЕС с соответствующими третьими государствами и их вовлеченности в европейские интеграционные процессы. В настоящее время ЕС выстраивает новую договорную основу для сотрудничества с постсоветскими государствами, и вопросы ПСБП будут получать более детальное регулирование в договорах, которые придут на смену СПС.

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПРИМЕНЕНИЯ ДОПИНГА 1989 г.

Лукина Л. С., Белорусский государственный университет

Конвенция против применения допинга 1989 г. *ETS* № 135 (Республика Беларусь ратифицировала в 2006 г.) была принята для снижения и искоренения допинга в спорте (ст. 1). На основании данного соглашения устанавливаются обязательные правила с це-

люю гармонизации антидопинговых норм, включая проведение мер, направленных на ограничение доступности допинга, а также применения в спорте запрещенных препаратов и методов допинга (ст. 4). Стороны оказывают своим спортивным организациям финансовую и организационную помощь при проведении антидопингового контроля и анализов за счет субсидий или дотаций (ст.ст. 3.а, 3.с, 7.1), применяют финансовые санкции к спортсменам, уличенным в принятии допинга (ст. 3. б), проводят регулярный допинг-контроль как во время соревнований, так и между ними, включая контроль на территории других стран (ст. 4—5, 7).

В соответствии со статьями 10, 11 в рамках Конвенции создается группа по рассмотрению действия для осуществления контроля, в которой каждое государство-участник имеет один голос. Данный орган проводит на постоянной основе обзор положений Конвенции и в случае необходимости рассматривает вопрос о ее изменениях, определяет перечень фармакологических классов допинговых средств и методов, запрещенных компетентными международными спортивными организациями, осуществляет консультации с соответствующими спортивными организациями, направляет участникам Конвенции рекомендации в отношении мер по выполнению их обязательств и так далее (ст. 11).

Ратификация данного соглашения позволяет Республике Беларусь участвовать в работе Комитета по развитию спорта Совета Европы, совершенствовать законодательство и осуществлять борьбу с допингом с учетом тенденций развития международного права, а также опыта других стран. Тем не менее, следует отметить, что действующий Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 18 июня 1993 г. № 2445-ХІІ в редакции 2012 г. не содержит определения допинга в спорте, в части 1 статьи 34 говорится только о запрете «использования спортсменами методов, веществ, способствующих повышению их работоспособности и запрещенных для использования законодательством Республики Беларусь и (или) решениями Международного олимпийского комитета, иных соответствующих международных организаций». В Законе лишь вводится понятие допинговый контроль, который представляет собой взятие и исследование биопроб спортсменом в целях выявления наличия в их организме запрещенных к применению веществ либо установления использования ими запрещенных методов подготовки к соревнованиям (ч. 2 ст. 34). Кроме того, отсутствуют явно выраженные санкции в отношении спортсменов, уличенных в употреблении допинга. Хотелось бы отметить, что Постановление Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 29 декабря 2004 г. «Об утверждении инструкции о порядке лишения права участия в официальных спортивных соревнованиях Республики Беларусь и в спортивных соревнованиях в составах национальных и сборных команд Республики Беларусь спортсменов, биопробы которых показали использование запрещенных к применению методов, веществ, и лиц, виновных в применении их спортсменами, а также спортсменов, отказавшихся от допингового контроля» в редакции Постановления Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 20 февраля 2008 г. № 5, частично решает проблему применения наказания за нарушения антидопинговых правил, определяя уполномоченный орган для принятия решений о дисквалификации спортсменов, биопробы которых показали использование запрещенных к применению методов, веществ, лиц, виновных в применении их спортсменами, а также спортсменов, отказавшихся от допингового контроля. Однако, как представляется, для решения данного вопроса было бы целесообразно внести изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З с изменениями и дополнениями в части расторжения трудового договора в случае дисквалификации спортсмена, в Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З с изменениями и дополнениями о введении административной ответственности за примене-

ние допинга с выплатой административного штрафа, а также рекомендуется внести дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 с изменениями и дополнениями в части привлечения тренеров к склонению применения запрещенных веществ и методов, особенно в отношении несовершеннолетних спортсменов.

Таким образом, несмотря на то, что Республика Беларусь присоединилась к Конвенции против применения допинга, законодателем не были учтены ее положения в части определения допинга (ст. 2 Конвенции), которое как таковое отсутствует в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 18 июня 1993 г. № 2445-ХІ, что открывает дорогу злоупотреблениям и не позволяет привлекать к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности как спортсменов, принимающих запрещенные препараты, так и тренеров, склоняющих или понуждающих их к таким действиям, поскольку отсутствуют не только дефиниция допинга, но и явно выраженные санкции.

ПРАВО НА УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ КАК ОДНА ИЗ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЙ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ

Охрименко З. А., Национальный центр правовой информации Республики Беларусь

В правовой доктрине существует ряд концепций, рассматривающих происхождение и сущность права на информацию. Данные концепции основаны на многочисленных международных договорах, конвенциях, решениях международных судебных органов по правам человека, а также документах ООН и ее специализированных учреждений, и закрепляют основные аспекты регламентации права на информацию, основы его легитимного ограничения, а также основания судебно-правовой защиты.

В последнее время появилась тенденция рассмотрения права на информацию через призму такого нового процессуального права как «право на установление истины» (англ. *«the right to truth»* или исп. *«derecho a la verdad»* — дословно «право на правду»). Право на установление истины и право на информацию тесно связаны между собой. В частности, право на информацию может иметь решающее значение для реализации права на установление истины, так как оно управомачивает граждан истребовать определенные категории информации у государственных органов и одновременно обязывает государство предоставлять достоверную информацию по требованию граждан. Ввиду того, что право на информацию может быть ограничено при наличии определенных условий в рамках как международного, так и национального права, право на установление истины также подлежит правомерным ограничениям.

Право на установление истины приобрело за последние десятилетия большое значение. Данное право берет свои истоки в международном гуманитарном праве, и тесно связано с категорией «насильственные исчезновения». В частности, право на установление истины налагает на государства обязательства по расследованию серьезных нарушений прав человека с привлечением виновных к ответственности, а также обязанностью предоставлять информацию обо всех процессуальных действиях и фактах жертвам, их семьям, и в некоторых случаях общественности в целом. В данной концептуализации право на информацию выступает не только своеобразной формой компенсации для жертв правонарушений, но также и гарантом того, что в дальнейшем такие правонарушения не повторятся.

Принцип наличия права на установление истины у родственников лиц, пропавших без вести, включая жертв насильственных исчезновений, кодифицирован в международном гуманитарном праве в статье 32 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. В Женевских конвенциях также содержатся различные по-